

УДК 340.1+34(091)

**ПРАВО И МОРАЛЬ ПЕРЕД СУДОМ
КОММУНИКАТИВНОГО РАЗУМА
В КОНЦЕПЦИИ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА**

ЛЕЖНЕВА Ольга Юрьевна

*судья Московского городского арбитражно-
го суда, г. Москва, Россия.*

E-mail: Urbova@inbox.ru

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич

*заместитель директора по инновационному
развитию Федерального научного центра
биологических систем и агротехнологий Рос-
сийской академии наук, г. Оренбург, Россия.*

E-mail: 775777@bk.ru

ЧУДИН-КУРГАН Федор Олегович

*генеральный директор «Компания Русское
дело», г. Москва, Россия.*

E-mail: 7551242@gmail.com

**LAW AND MORALITY BEFORE THE
TRIBUNAL OF COMMUNICATIVE
REASON IN THE CONCEPT
OF JÜRGEN HABERMAS**

LEZHNEVA Olga Yuryevna

*Judge of the Moscow City
Arbitration Court, Moscow, Russia.*

E-mail: Ur-bova@inbox.ru

PROKOFIEV Konstantin Georgievich

*Deputy Director for Innovative Development of
the Federal Scientific Center for Biological
Systems and Agricultural Technologies of the
Russian Academy of Sciences,*

Orenburg, Russia. E-mail: 775777@bk.ru

CHUDIN-KURGAN Fedor Olegovich

*General Director, Russian Business Company,
Moscow, Russia.*

Email: 7551242@gmail.com

Этико-правовое учение Юргена Хабермаса, разработанное им на основе коммуникативной теории разума, исключает понятие об абсолютном начале права. Хабермас отказывается от идеи абсолютной объективности в праве, отдавая предпочтение интуиции и иррациональному определению ценностного измерения правовых норм. Это приводит к релятивизации отношения морали и права, к размыванию ценностной основы права.

Ключевые слова: Хабермас, коммуникативный разум, абсолют, суд, мораль, право.

The ethical and legal teaching of Jürgen Habermas, developed by him on the basis of the communicative theory of reason, excludes the concept of absolute beginning of law. Habermas rejects the idea of absolute objectivity in law, giving preference to intuition and the irrational definition of value measurement of legal norms. This leads to the relativization of the relationship of morality and law, to erosion of the value basis of law.

Key words: Habermas, communicative reason, absolute, court, morality, law.

Сегодня одним из наиболее влиятельных философско-правовых учений не только на Западе, но и в России является этико-правовая теория Юргена Хабермаса (род 1929 г.), разработанная им в рамках социальной критической теории, эпистемологической основой которой служит, в свою очередь, теория коммуникативная разума [11, с. 261; 23, с. 12-14; 28, с. 286, 293, 329-330, 464-465]. Поэтому критическое отношение к нему в общих вопросах методологии и отношения к онтологическим основам права выражает и общую оценку современной западной правовой мысли, проделавшей путь от средневековой онтологизации естественного права в абсолюте до современной десубстанциализации правовых отношений путем сведения их сущности к эмпирически фиксируемой коммуникации. Творчество Хабермаса, одновременно и отвергающее классическую традицию правовой мысли, и имеющее в ней все свои истоки, в этом отношении особенно показательно. В целом этико-правовое учение Ю. Хабермаса направлено на модернизацию неокантианской традиции в праве в соответствии с принципами постнеклассической научной парадигмы [10, с. 10-19; 20, с. 4-12]. Свою, сло-

живущую в рамках неомарксизма политико-правовую модель, Ю. Хабермас развивает на основе базовых положений неокантианской философии относительно интерперсональной природы познающего субъекта [20, с. 101-106].

Типы коммуникативного действия, согласно Хабермаса, задают и различные типы рациональности. А именно: инструментальную рациональность, стратегическую рациональность, нормативную рациональность и особую рациональность «экспрессивного действия» [11, с. 275-276]. Главное внимание ученым уделяется исследованию различных аспектов реального взаимодействия людей в сфере нравственности, познания, а также в социально-исторической практике. В опыте этого взаимодействия складывается конкретная картина как интересубъективной, так и полисубъективной коммуникации, формируется своеобразная этика правового дискурса [19, с. 285-313].

Немецкий ученый переносит модель теоретического разума, конституирующегося на основе коммуникативного взаимодействия субъектов, непосредственно на сферу практического общественного отношения. На этом уровне коммуникация, формирующая различные смыслы политического, правового и морального характера (социальный аналог разума), приобретает черты сложного, многопланового взаимодействия различных социальных «акторов», вырабатывающих общие модели поведения, которые в дальнейшем институционализируются в систему морально-правовых норм. «Эти бессубъектные коммуникации, – поясняет свою идею Ю. Хабермас, – внутри и вне запрограммированных на принятие решений политических объединений образуют арену, где может происходить более или менее рациональное формирование значимых для всего общества тем и нуждающихся в регулировании дел. Неофициальное формирование общественного мнения выливается в институционализованные в виде выборов решения и в законодательные постановления, за счет которых коммуникативно созданная власть трансформируется во власть, административно применяемую» [17, с. 396].

В представлении Ю. Хабермаса, такого рода подход к пониманию сущности государства и права имеет не только сугубо теоретическое, но и непосредственно практическое значение. Раскрывая противоречие между претензией на значимость конкретных форм социальной жизни и их фактическим содержанием (фактичностью, в терминологии Хабермаса), теория коммуникативного разума непосредственно ориентирует акторы политического действия на рефлексию своего целерационального содержания с выявлением его общезначимого содержания, раскрывающего моральные и ценностные основания права. В рамках своей концепции Ю. Хабермас много внимания уделял и вопросам правового оформления процедуры обсуждения вопросов политико-правового масштаба и принятия по ним общеобязательных решений [21, с. 324-347]. Именно соблюдение такого рода процедуры имеет результатом легитимизацию решения не только на моральном, но и на правовом уровне. Подобного рода согласование включает в обоснование решения целерациональную и моральную составляющую, что делает его общеобязательным и легитимным [23, с. 137-142]. Активно исследуя процессы развития государства и права, в своих последних работах Хабермас все чаще обращает внимание читателей на глубокий диссонанс между моральным и правовым консенсусом современного европейского общества [17; 18; 19; 25; 26; 27].

Рассматривая методологическую основу этико-правовой теории Хабермаса в этот период, следует, прежде всего, оценивать ее как явление постнеклассической науки второй половины XX столетия, когда произошла своего рода научная революция, изменяющая все правила и нормы, саму картину мира и философию науки. В постнеклассических моделях правовой теории идеи социальных ценностей постепенно оттесняются из сферы права в область этики. Это касается даже представления о самом праве как об одной из фундаментальных правовых ценностей. Для современных правоведов оказались очень привлекательны попытки создать теоретико-правовую систему, основанную не на идее абсолютной справедливости в платоновском смысле этого понятия, а на субъективных установках личности, объективируе-

мых ссылками на правовую интуицию. Примерно такой точки зрения придерживается проф. Ф.М. Раянов. Так, он, ссылаясь на Дж. Локка, пишет, что Дж. Локк «обосновал, что человечество, долгое время, развиваясь в естественном состоянии, на определенном этапе своего развития вполне осознанно переходит на гражданское состояние. Это единственный научно-обоснованный путь развития в направлении формирования легитимного, т.е. согласованного с волей государственно-организованного общества, государства» [12, с. 12].

В постнеклассической правовой науке, как ее понимает Хабермас, исходным понятием выступает понятие практического разума, который дает основания для выработки и применения норм, «утверждающих взаимные обязанности и права» [17, с. 15]. Практический разум ориентирует человека «на индивидуалистически понимаемое счастье и на моралистически акцентированную автономию единичности, что синтезируется в форме свободы человека как частного субъекта, который принимает на себя роли члена гражданского общества, гражданина государства и гражданина мира» [22, с. 16]. Эта способность присуща индивиду, этнокультурным и социальным группам, которые могут актуализировать практический разум в прагматическом, этическом и моральном смыслах. Рассматриваемые в этическом аспекте, проблемы права связаны с конкретным ситуативным вариантом, будучи включенными в систему определенных жизненных форм. В морально-практическом аспекте «конституируется intersубъективность более высокого уровня, где перспектива каждого сплетается с перспективой всех» [5, с. 21].

Как утверждает Хабермас, пытаясь найти пути практического приложения идей теории практического разума в ее неокантианском и неогегельянском вариантах к вопросам теории права, важно учитывать различие между ее методологическим и гносеологическим аспектами. Его методологический подход основан на утверждении о том, что существует некоторое множество основных принципов права, формируемых в коммуникационном дискурсе, которые могут вступать между собой в конфликт, и что никакие явные правила приоритета для решения таких конфликтов не могут быть предложены. Методологический принцип составляет убеждение, что общие правовые суждения, близкие по духу к моральным суждениям, полученные в коммуникативном дискурсе, являются самоочевидными для участников коммуникации, то есть могут легитимизироваться единственно на основе адекватной рефлексии правовой коммуникации.

Intersубъективная коммуникация как основание нормативности в праве является своего рода аналогом позитивистской идеи конвенциональности в науке, наиболее полно и последовательно обоснованной в известной работе Теодора Куна «Структура научных революций» [8]. Согласие научного сообщества относительно признания образцов научного творчества (парадигм) и отбраковывания положений, не подходящих под эти образцы, подменяет поиск научной истины и решение проблемы объективности полученных научных знаний.

Следуя той же логике, Хабермас отказывается от идеи абсолютной объективности в праве, отдавая предпочтение интуиции и иррациональному определению ценностного измерения правовых норм: «право предстает как коллективный выбор или даже социальный выбор, основанный на дискурсе, существующем между всеми вовлеченными субъектами» [10, с. 35]. Согласно Хабермасу, нормы могут быть обоснованы и одобрены лишь тогда, когда они отвечают общему интересу всех, кого они касаются [5, с. 177-178]. В творчестве Хабермаса в полном соответствии с принципами постнеклассической методологии делается установка на преодоление начал объективности и абсолютности норм права. В рамках классического философско-правового мышления за правовыми нормами признавались качества обязательности в силу их соответствия Абсолюту, в том смысле, какой вкладывали в понятие Абсолюта Платон и Аристотель, Б. Спиноза и Г.В. Лейбниц, Ф.В.Й. Шеллинг и Г.В.Ф. Гегель, а в России В.С. Соловьев и К.А. Неволин.

В начале XX столетия удачно выразил отношение Абсолюта и права выдающийся русский правовед И.В. Михайловский «как общая философия стремится познать не только абсолютные первоосновы мира, но и тот порядок, в котором эти первоосновы проявляются, способ реализации их в мире, так и философия права должна показать те общие пути, те принципы, при помощи которых абсолютная идея права как часть общемирового этического порядка реализуется в окружающей нас среде и в истории культуры» [13, с. 235]. Сходную позицию занял и представитель феноменологического направления в русском правоведении Н.Н. Алексеев, утверждавший, что «в праве содержится некоторый вечный и абсолютный элемент, что, стало быть, идея права не разлагается на несвязную кучу отдельных исторических моментов» [1, с. 165].

И это – позиция, обоснованная не только с рациональной, но и с нравственной точки зрения. Человек не может подчиняться нормам права только из страха наказания или повиниться внешнему насилию. Во всяком случае, это невозможно для большинства общества. Человек должен видеть в нормах права что-то священное, подчинение чему обусловлено не только внешней по отношению к человеку властью, но также и моральными императивами. Однако такое основание нельзя найти ни в установления государства, ни в привычках и установках общества, ни даже в исторических традициях. Лишь связь с Абсолютом, в каких бы формах ни выражалось его понимание человеком, дает правовым нормам действительную, формализованную и неформальную, силу быть регуляторами общественных и межличностных отношений. По мнению российских исследователей, например, Ф.Х. Галиева и Ф.М. Раянова, в этом проявляется синкретизм современной правовой культуры [2; 3; 4, с. 187-207].

Вступая в противоречие с самим духом права, Хабермас выдвигает задачу «разбить оковы ложной претензии на всеобщность универсалистских принципов, которые, однако, черпаются лишь выборочно и применяются только контекстуально» [17, с. 25]. В таком случае у Хабермаса не остается ничего другого, как снова отказаться от принципов рационализма и апеллировать к иррационалистическим принципам познания, а именно: снова сослаться на интуицию. Как он утверждает, «позиция беспристрастного обсуждения морально-практических вопросов не завершается односторонним деонтологическим подходом». Требуется утверждать, что «этика дискурса признает право на базовые ценностные интуиции, отличающие одну конкурирующую теорию от другой» [17, с. 23-25].

«В концепции Хабермаса есть лишь один Абсолют – общезначимость аргумента, интерсубъективная рациональность. Примечательно, что в неклассической парадигме не так уж важно, насколько ошибаются автономные и коллективные субъекты. В классической парадигме в конечной инстанции это невозможно по определению» [5, с. 196-197]. Как указывает сам Хабермас, «мечущаяся между фактичностью и значимостью теория права сегодня не в состоянии сказать что-либо определенное» [24, с. 21]. Отказ от идеи Абсолюта в праве, как следствие ложных посылок постнеклассической науки, неизбежно приводит немецкого мыслителя к релятивизации морально-правовых норм, идеалов и ценностей [15, с. 22-27; 16, с. 70-85], приводит к размыванию идеи национального суверенитета и к оправданию подчинения Германии воли «благожелательного гегемона» (так Ю. Хабермас называет США). Юрген Хабермас приводит мораль и право на суд коммуникативного разума, конечный приговор которого не является ни справедливым, ни милосердным.

Отрицание абсолютной природы права неизбежно имеет своим результатом отрицание идеи свободы [7, с. 178-179; 14, с. 32-33]. Ведь, подчиняясь чему-то неабсолютному, а значит, обусловленному чем-либо, человек сам неизбежно обуславливается какими-то внешними ему обстоятельствами: волей государства, социальными условиями, общественной или собственной психологией, деятельностью практического или «коммуникативного» разума и т.п. В таком случае невозможно различение добра и зла, которое может быть лишь свободным процессом, а значит, невозможна нравственность, как содержание этого различения, и невозможно право, как форма этого различения [6, с. 17; 9, с. 42-46].

Библиографические ссылки

1. Алексеев Н.Н. Введение в изучение права. М., 1918.
2. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры : монография. Уфа: БашГУ, 2011.
3. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190.
4. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.
5. Деникина З.Д. Становление основных философско-правовых парадигм новейшего времени : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005.
6. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019.
7. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 178-187.
8. Кун Т. Структура научных революций. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003.
9. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. 2015. № 6. С. 42-47.
10. Мелкевик Б. Юрген Хабермас и коммуникативная теория права. СПб: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018.
11. Мотрошилова Н.В. Ю. Хабермас // История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 4. М., 1999. С. 261-286.
12. Раянов Ф.М. Горизонты отечественного государственно-правового мышления и о потребностях в их расширении // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2 (52). С. 7-13.
13. Русская философия права: Антология / авт.-сост.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников; авт. и рук. проекта В.П. Сальников. 2-е изд., доп. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999.
14. Сальников В.П., Масленников Д.В. Институты права в идее абсолютного Добра // Государственно-правовые институты современного общества : сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 32-40.
15. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С. 22-29.
16. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 70-86.
17. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001.
18. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.
19. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995.
20. Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. М. : «Весь мир», 2013.
21. Шавеко Н.А. Правовой идеал: неокантианские и современные кантианские учения о справедливости. М. : Юрлитинформ, 2017.
22. Шачин С.В. Коммуникативная теория разума Юргена Хабермаса. Мурманск, 2010.
23. Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. М. : Наука, 2005.
24. Habermas J. Faktizität und Geltung: Beitrag zur Diskurstheorie des Rechts und des dem. Rechtsstaates. Frankfurt/Main, 1994.
25. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt/Main, 1983.
26. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt/Main, 1990.

27. Honneth A. Kritik der Macht: Reflexionstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
28. XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Belo Horizonte: Forum, 2013.

References

1. Alekseyev N.N. Vvedeniye v izucheniye prava (Introduction to the study of law), Moscow, 1918.
2. Galiyev F.Kh. Sinkretizm sovremennoy pravovoy kul'tury (Syncretism of modern legal culture), monografiya, Ufa, BashGU, 2011.
3. Galiyev F.Kh. Pravovaya kul'tura: sotsial'no-filosofskiye problem (Legal culture: socio-philosophical problems), *Mir politiki i sotsiologii*. 2016, No. 7, pp. 182-190.
4. Galiyev F.KH., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspect (Social Studies in the XXI Century: Theoretical and Legal Aspect), Ufa, Bashk. entsikl., 2018.
5. Denikina Z.D. Stanovleniye osnovnykh filosofsko-pravovykh paradigmat noveyshego vremeni (The formation of the main philosophical and legal paradigms of modern times), dis. ... d-ra filos. nauk, Moscow, 2005.
6. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides Hegel – Dostoevsky. To the question of speculative-logical foundations of the metaphysics of law.), Moscow, Yurlitinform, 2019.
7. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. K voprosu o znachenii logicheskoy formy filosofii dlya ponimaniya prirody absolyutnogo v prave (To the question of the significance of the logical form of philosophy for understanding the nature of the absolute in law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2018, No. 2, pp. 178-187.
8. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy (The structure of scientific revolutions), Moscow, OOO «Izdatel'stvo ACT», 2003.
9. Maslennikov D.V. Pravo kak forma razlicheniya dobra i zla (Law as a form of distinguishing between good and evil), *Yuridicheskaya mysl'*, 2015, No. 6, pp. 42-47.
10. Melkevik B. Yurgen Khabermas i kommunikativnaya teoriya prava (Jürgen Habermas and the communicative theory of law), St. Petersburg, OOO Izdatel'skiy Dom «Alef-Press», 2018.
11. Motroshilova N.V. Yu. Khabermas (J. Habermas), *Istoriya filosofii: Zapad – Rossiya – Vostok*, Kn. 4, Moscow, 1999, pp. 261-286.
12. Rayanov F.M. Gorizonty otechestvennogo gosudarstvenno-pravovogo myshleniya i o potrebnostyakh v ikh rasshirenii (Horizons of national state law thinking and the needs for their expansion), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2018, No. 2 (52), pp. 7-13.
13. Russkaya filosofiya prava: Antologiya (Russian philosophy of law: Anthology), avt.-sost. A.P. Al'bov, D.V. Maslennikov, M.V. Sal'nikov, avt. i ruk. proyekta V.P. Sal'nikov, 2-ye izd., dop., St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, Aleteyya, 1999.
14. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Instituty prava v ideye absolyutnogo Dobra (Law institutions in the idea of Absolute Good), *Gosudarstvenno-pravovyye instituty sovremennogo obshchestva*, sbornik statey k Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.), otv. red. F.M. Rayanov, Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 32-40.
15. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Gorbunov M.D. Absolyutnoye i otноситel'noye v yestestvennom prave (Absolute and relative in natural law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 11, pp. 22-29.
16. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V. Pravovaya kul'tura i politiko-pravovyye traditsii v kontekste absolyutnykh tsennostey (Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values), *Yuridicheskaya mysl'*, 2014, No. 4 (84), pp. 70-86.

17. Khabermas Yu. Vovlecheniye drugogo: Ocherki politicheskoy teorii (Involvement of another: Essays on political theory), St. Petersburg, Nauka, 2001.
18. Khabermas Yu. Demokratiya. Pazum. Nravstvennost' (Democracy. The reason. Moral). Moscow, 1992.
19. Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. Moskovskiye lektzii i interv'y'u (Democracy. The reason. Moral. Moscow lectures and interviews), Moscow, 1995.
20. Khabermas YU. Esse k konstitutsii Yevropy (Essays on the Constitution of Europe), Moscow, «Ves' mir», 2013.
21. Shaveko N.A. Pravovoy ideal: neokantianskiye i sovremennyye kantianskiye ucheniya o spravedlivosti (Legal ideal: neo-Kantian and modern Kantian teachings on justice), Moscow, Yurlitinform, 2017.
22. Shachin S.V. Kommunikativnaya teoriya razuma Yurgena Khabermasa (Communicative Reason Theory of Jürgen Habermas), Murmansk, 2010.
23. Shul'ts V.L. Filosofiya Yu. Khabermasa (The philosophy of J. Habermas), Moscow, Nauka, 2005.
24. Habermas J. Faktizität und Geltung: Beitrag zur Diskurstheorie des Rechts und des dem. Rechtsstaates. Frankfurt/Main, 1994.
25. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt/Main, 1983.
26. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt/Main, 1990.
27. Honneth A. Kritik der Macht: Reflexionstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
28. XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Belo Horizonte: Forum, 2013.

Дата поступления: 21.10.2019

Received: 21.10.2019

УДК 340.1+34(091)

ВОПРОСЫ ОТНОШЕНИЯ ПРАВА И МОРАЛИ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ГЕРБЕРТА ХАРТА

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич
*заместитель директора по инновационному
развитию Федерального научного центра
биологических систем и агротехнологий Рос-
сийской академии наук, г. Оренбург, Россия.
E-mail: 775777@bk.ru*

RELATIONSHIPS BETWEEN LAW AND MORALITY IN HERBERT HART'S SCIENTIFIC WORK

PROKOFIEV Konstantin Georgievich
*Deputy Director for Innovative Development of
the Federal Scientific Center for Biological
Systems and Agricultural Technologies of the
Russian Academy of Sciences, Orenburg,
Russia. E-mail: 775777@bk.ru*

Показывается, как вступая в заочную полемику с Г. Кельзенем, основоположник аналитической юриспруденции Г. Харт стремился обосновать эмпирическую природу нормативных фактов, которые он выводил из сферы чистого правового разума в сферу эмпирически данной действительности. Обосновывая возможность научного познания «сферы нормативных фактов», Г. Харт устанавливает различие между первичными и вторичными моральными и правовыми правилами. Со-

The paper is dedicated to the founder of analytical jurisprudence H. Hart, who entering into a correspondence debate with H. Kelsen, sought to substantiate the empirical nature of normative facts, which he brought from the sphere of pure legal reason to the sphere of empirically given reality. Justifying the possibility of scientific knowledge of the “sphere of normative facts”, H. Hart established a distinction between primary and secondary moral and legal rules. According to H. Hart, law must comply